

Академик Е. Тарле

АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ОТ КРЫМСКОЙ КАМПАНИИ ДО НАШИХ ДНЕЙ¹

Я ставлю себе задачей показать, когда и при каких условиях сложились те принципы, которые совершенно сознательно вплоть до настоящего времени, с постоянным обращением английских политиков и публицистов к первоисточнику, проводятся английским правительством. Поэтому мое изложение распадается на две части, тесно между собой связанные по существу, но разделенные большим хронологическим промежутком. Ведь установились эти основные принципы британской политики в тридцатых годах прошлого столетия, в начале десятилетия — проводились же они в жизнь в течение всего XIX века, на протяжении сорока лет века XX проводятся и в настоящее время, правда, не совсем благополучно сейчас для самой Англии.

1829 год. Россия победила Турцию. После этой трудной победы был заключен Адрианопольский мир, который пока еще не испугал Англию по той простой причине, что этот мир был заключен хотя и после победы, но после такой, когда продолжение войны для России стало не совсем выгодно. Нужно помнить, что самый мир стал возможным, главным образом, потому, что турки пришли в панику, узнав о приближении русских войск к Константинополю. Но все обошлось для России благополучно: мир был заключен, а затем целый ряд условий помог русским в 1833 году завершить то, что было упущено при заключении Адрианопольского мира. Был заключен в Ункиар-Искелесси договор, по которому Дарданеллы оказались закрытыми для всех судов всех наций, и по целому ряду пунктов Турция оказалась фактически под протекторатом России. Еще важнее, чем эти пункты, был самый дух этого договора, который был заключен султаном Махмудом в буквальном смысле под ножом, потому что войска египетского хедива Мехмед-Али угрожали в это время Константинополю, и Махмуд обратился за помощью к Николаю I как человек (как он сам потом говорил), который тонет и потому цепляется не только за каждый кустик, но и за змею, лежащую на берегу. В данном случае это восточное сравнение оказалось для Николая Павловича не совсем лестным.

Итак, договор был подписан. С этого момента в той прессе, которая обслуживала английскую правящую верхушку, состоящую из крупной буржуазии и той аристократии, которая после реформы 1832 года нашла в себе достаточно государственного смысла, чтобы пойти на службу к победившему классу, — в прессе этой правящей аристократически-буржуазной верхушки наметилось два течения. Первое возглавлялось Ричардом Кобденом, второе — лордом Пальмерстоном. Кобден — глава манчестерцев — выступил в середине 1830-х годов с брошюрой о России. То, что он в этой брошюре высказал, он повторял потом и на митингах, где ему приходилось касаться этого вопроса. Вопрос ставился для него так: он так же как и Пальмерстон признает, что с тех пор как Россия (в связи с заключенным в Ункиар-Искелесси договором) держит в своих руках Турцию, актуальным становится выяснение того, как Англия должна на это реагировать. Должна ли Англия развернуть активную дипломатическую поддержку Турции, не останавливаясь даже перед войной, или надо взять другую линию поведения?

¹ Стенограмма доклада в Союзе писателей в Ленинграде.

Кобден находит, что Англия должна усвоить мирную линию поведения. „Зачем мы будем проливать кровь из-за Турции? Чем мы живем? Нашей торгово-промышленной супрематией... На всем земном шаре нам не страшно решительно ничего, кроме препятствий нашей торговле. Нам был страшен Наполеон не потому, что французская промышленность могла с нами конкурировать, а потому, что Наполеон не посредством капиталов, а военным путем изгонял нас из Европы. Страшен ли для нас протекторат России над Турцией? Не страшен, потому что русские с нами экономически конкурировать не могут. Допустим, что завтра Николай завоеует Константинополь, потеряем ли мы что-нибудь от этого в наших жизненных силах, питаемых экономикой? Как ни плоха русская полиция, но она лучше турецкой, и при ней нам будет еще удобнее торговать в Константинополе. Мы торгуем в России более спокойно, чем в Турции, следовательно, заключение этого договора России с Турцией не является для нас основанием для изменения нашей политики“.

Такова эта теоретическая точка зрения, которая в практической политике не получила себе осуществления, хотя лорд Эбердин и кое-кто около него поддерживали Кобдена, во всяком случае, не желали войны с Россией.

Против же этого хода мыслей решительно выступил Пальмерстон, который и словом и делом боролся с Кобденом. Пальмерстоновская пресса не переставала указывать на полную абсурдность всего того, что говорил Кобден.

„Неужели, — восклицали газеты Пальмерстона, — неужели Кобден может в самом деле цепляться за детские фантазии, будто держава, которая уже успела заполнить в свои руки половину Европы и половину Азии, то есть Россия, завоевав Турцию, удовольствуется тем, что поставит полицейских, которые будут следить, как продаются манчестерские штицы и бирмингемские металлические изделия? Это фантазия, не имеющая ни малейшего смысла. Для России получить в свои руки Константинополь — означает немедленно приступить к уничтожению самостоятельности Персии, к завоеванию Афганистана и вторжению в Индию“. Что касается последнего, то Пальмерстон и его пресса тут же оговариваются неоднократно, что нельзя легкомысленно на это смотреть, что если Николай I задумает пойти в Индию, то это совсем не смешно, потому что Бонапарт — крупнейший военный авторитет — говорил, что если тот, кто пойдет в Индию и потеряет, может быть, даже пять шестых своей армии по дороге в безводных пустынях, то все же достаточно хотя бы с остатками войск дойти до Ганга, и английское владычество полетит как карточный домик. И в этом утверждении пальмерстоновская пресса был единодушна. С официальными заявлениями подобного рода сам Пальмерстон не мог выступать, но мы твердо теперь знаем, что таких убеждений он держался.

Основная мысль, основное положение пальмерстоновской политики сводились собственно к двум принципам:

1. Английское торгово-промышленное верховенство должно быть сохранено.
2. Обеспечена должна быть Индия, без которой Англия перестанет быть великой державой.

Торгово-промышленной супрематии Николай I не угрожает; в этом отношении Россия — *quantité négligeable*, величина, которой можно пренебречь; но по второму пункту — об Индии — царь крайне опасен, и этого факта, который определяется самой географией, никто изменить не может. Поэтому основное положение английской политики состоит в том, чтобы обезопасить Индию.

Таковы были эти два принципа: первый, который пока не тревожил никого, и здесь Пальмерстон не расходился с Кобденом в том, что никто не может побить Англию с того первого места, на которое ее выдвинул промышленный переворот XVIII века со всем последующим развитием, — и второй, грозящий огромной опасностью. После договора в Унклар-Искелеси эта опасность приобрела злободневность. Не буду говорить подробно, как шли события до и после смерти Пальмерстона, который за вычетом короткого промежутка времени, в 1841—46 гг., вплоть до конца жизни своей так или иначе руководил английской политикой даже и тогда, когда не был министром иностранных дел. Я только отмечу самые необходимые моменты, самые характерные. Началось дело с некоторых неудач для Пальмерстона. Ему необходимо было поместить в Петербурге человека, который всецело держался бы тех же убеждений, что и он, и который был бы первоклассным специалистом в турецком вопросе. Таким человеком был Стрэтфорд-Каннинг,

Но Николай I не пожелал дать Каннингу своего „агремена“, не пожелал выполнить той формальности, без которой посол не может быть аккредитован в независимом государстве. Это повело к ряду дополнительных столкновений, так как Пальмерстон не хотел примириться с отказом и настаивал на назначении Стрэтфорда. Пальмерстон через Блая — английского поверенного в делах в Петербурге — узнал, что нашла коса на камень и что Николай ни в коем случае не желает пускать Стрэтфорда. Пальмерстон хотел пойти на компромисс и настаивал, чтобы Николай позволил Стрэтфорду хотя бы только приехать в Петербург и сейчас же уехать обратно. Николай не без яда ответил, что он согласен дать Стрэтфорду-Каннингу, по выбору Пальмерстона, любой русский орден, даже наивысший, лишь бы он не приезжал в Петербург.

После обмена такими любезностями, конечно, отношения некоторое время оставались чрезвычайно натянутыми. Для того чтобы охарактеризовать то живое беспокойство, с которым Пальмерстон смотрел на Петербург, можно было бы привести целый ряд доказательств и иллюстраций. Одну из них мы находим в дневнике А. С. Пушкина. Пушкин встречался с английским поверенным в делах Блайем (дело в том, что после инцидента с Стрэтфордом Пальмерстон долгое время не направлял в Петербург посла, и там был только поверенный в делах — *chargé d'affaires* — Блай), и он записывает в своем дневнике: „...Вчера бал у Бутурлина. Любопытный разговор с Блайем: „Зачем у вас флот в Балтийском море? Для безопасности Петербурга?“ „Но он защищен Кронштадтом“. Игрушка?... „Долго ли вам распространяться? Ваше место Азия, там совершите вы достойный подвиг цивилизации etc“.

Заметим последнее: „Ваше место Азия...“ Блай несколько отстал. Вернее, он в тот момент слишком узко мыслит. Тогда еще Средняя Азия была несколько в стороне; она выступила на передний план немного спустя; а, как сейчас увидим, в 1833 году Блай имел в виду только Европейскую Турцию, Константинополь.

Этот разговор характерен. Блай не только с Пушкиным говорил, и не только Блай говорил об этом, и не только в Петербурге происходили тогда эти разговоры. Подобных примеров можно было привести сколько угодно — из различных источников. Слова насчет флота были также не случайны. Разговор с нашим великим поэтом, человеком, никакого влияния не имевшим, для нас характерен как одно из многих свидетельств этого рода, но разговор о флоте был поднят не только Блайем и собеседником был не только Пушкин.

Когда прошло несколько лет, в 1837 году, обидя Пальмерстона улеглась, и в Петербурге был назначен английский посол — лорд Дэрем. Ему *agrement* был дан сразу. С ним Николай был в хороших отношениях и возил его в Кронштадт с целью показать новый флот. Последний сооружался очень успешно. Николай полагал, что дело идет так успешно благодаря князю Меншикову — морскому министру. Мы знаем, что флот строился успешно, *несмотря* на князя Меншикова и на целые полчища казнокрадов. Но, во всяком случае, военные суда строились — строились усиленно. Между Николаем и лордом Дэремом произошел разговор, гораздо еще более характерный, поскольку одним из собеседников был царь. Дэрем спросил Николая: „Зачем вам такой большой флот?“ Николай ответил: „А вот затем, чтобы сделать невозможным на будущее время такой вопрос с вашей стороны“.

И такой разговор произошел несмотря на то, что отношения с лордом Дэремом были хорошие. Но пока Пальмерстон возглавлял внешнюю политику Великобритании, русско-английские отношения никак не могли наладиться.

В том же 1837 году произошло объяснение уже у Пальмерстона с русским послом в Лондоне, Поццо ди Борго. Это объяснение было вызвано инцидентом такого характера: английский корабль „Виксен“ прошел в Черном море к берегам Кавказа, объявленного уже тогда русской государственной территорией. Так как с английской стороны не состоялось признания этого положения; то английский корабль и решил пройти туда, но был захвачен и конфискован. Сначала его не выдавали, затем уже возместили владельцам убытки, но Николай настаивал на своем. Он заявлял, что и впредь эти берега будут под охраной России и что корабли, которые туда пройдут, будут секвестрованы.

Вот по этому поводу и произошел разговор между Пальмерстоном и Поццо ди Борго. Донося об этой беседе в Петербург, Поццо ди Борго сообщал, что разговор велся в таких неприлично резких тонах, что это может показаться просто невероятным.

Я приведу здесь несколько строк из официального изложения этого разговора, который, к сожалению, слишком мало известен даже историкам, хотя давно опубликован.

„Нужно положить предел системе захвата (сказал Пальмерстон), которую проводит ваш император. Вы захватили Польшу и угрожаете Пруссии и Австрии, угрожаете и дунайским княжествам. Вы строите крепости в Финляндии с целью навести страх на Швецию. В Персии ваш посланник увлекает шаха на бессмысленные походы, его разоряющие, и предоставляет ему большое личное участие в этих опустошительных войнах с целью его ослабить и погубить. Теперь вы желаете захватить Кавказ, но пройдет больше сорока лет, раньше чем вам это удастся. Это храбрый и свободный народ“.¹

! оццо ди Борго сейчас же возразил, что Пальмерстону никакого дела нет ни до Пруссии, ни до Австрии, ни до Кавказа, ни до всех тех стран, которые перечислил Пальмерстон. Пальмерстон ответил, что Англия должна исполнять свой долг покровительницы независимости народов, и если овцы молчат, то пастух должен говорить.

Поццо — дипломат старой школы, опытный и за словом в карман не лезший, — сразу же ответил, что нужно еще убедиться, овцы это или кто другой, иначе пастуху может плохо прийти, если начнет слишком усердно охранять овец.

Из этого разговора, где Пальмерстон в бешенстве высказал свои сокровенные мысли, выросла потом его официальная программа.

Прошло каких-нибудь два года после этого разговора, и вдруг Англию облетело известие, которое сильно встревожило английскую крупнобуржуазную прессу.

Это было известие об экспедиции Перовского в Хиву. Это был один из неудачных походов царского правительства в Средней Азии, проведенных еще до того, как было приступлено к ее систематическому завоеванию. В октябре 1839 года четыре тысячи человек и десять тысяч верблюдов двинулись из Оренбурга по направлению к Хиве. Силы были ничтожные, поход был плохо организован, и в мае месяце 1840 года русские вернулись в Оренбург, потеряв две тысячи триста человек из четырех тысяч и больше восьми тысяч верблюдов из десяти тысяч. До Хивы они не дошли, дошли только до Акбулака и почти никого на своем пути не встретили.

И однако в Англии этот поход произвел в полном смысле слова потрясающее впечатление. Секретарь русского посольства в Лондоне барон Бруннов сообщает, что без преувеличения можно сказать, что несколько офицеров и солдат России, появившихся в Средней Азии, могут взволновать всю Англию. Осуществлялась мысль Блайя, что Россия должна распространяться в Средней Азии, что там она может делать что угодно, и там она совершит „подвиг цивилизации“. Пальмерстоновская английская пресса однако не была нисколько с этим согласна. Но поход не удался, и постепенно английское беспокойство улеглось.

Нужно напомнить, что в 1841 году министерство в Англии переменялось. Во главе министерства иностранных дел стал лорд Эбердин, а во главе всего правительства — Р. Пиль. Эбердин если и не принадлежал к кругам, в которых идейно господствовал Кобден, то все же гораздо спокойнее относился к действиям русской дипломатии на Востоке, чем Пальмерстон. И тут-то обнаружилось, что если у англичан были определенные захватнические цели относительно Турции и Востока, то таковые были и у царской дипломатии.

В 1844 году Николай Павлович приехал в Лондон и пробыл несколько дней в гостях у королевы Виктории в Виндзорском замке. Тут он имел разговор — первый из двух исторических разговоров, которые он имел с Англией. Второй разговор, имевший самые печальные последствия и для него и для России, произошел в 1853 году. В 1844 году он впервые высказал свою мысль.

Турция — это больной человек. Если Англия и Россия будут между собой согласны, они могут, ни с кем третьим не считаясь, получить из наследства больного человека те части, которые окажутся для них подходящими. Такова была основная мысль, так ее и понял Эбердин. Но он прямо не ответил, а попытался отделаться дипломатической шуткой — что если Турция больна, то, мо-

¹ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. 12.

жет быть, следовало бы пригласить доктора, раньше чем начать делить наследство больного. Но вообще, мол, это благая мысль, которую можно обдумать.

Прошло несколько лет. Грянул 1848 год. Всевропейскую революцию сменила реакция, до такой степени расшатавшая континентальную Европу, что у Николая I сложилось убеждение, что если в 1844 году Россия могла еще бояться Франции, Австрии, каких-либо иных держав, которые не допустили бы дедежа наследства больного, то теперь — что для него Австрия, которой он только что помог задушить венгерское восстание? И может ли император Наполеон III, еще так недавно президент и император лишь с 1852 года, воспрепятствовать царской политике, если даже у себя дома он только и думает, как бы только не воскрес прирак революции, грозящей ему полным уничтожением? Значит, два величайших континентальных конкурента — Австрия и Франция — отходят в сторону.

9 января 1853 года, подойдя на балу у великой княгини Елены Павловны к английскому послу Гамильтону Сеймуру, Николай начал с ним разговор еще более определенный, чем тот, который вел девять лет тому назад с Эбердином. Самый тон разговора показывал полную уверенность царя в том, что на этот раз он будет выслушан серьезно и сочувственно. Во главе английского правительства в этот момент стоял тот же самый Эбердин, с которым Николай разговаривал еще в 1844 году, когда тот был министром иностранных дел. Это оправдывало возвращение к старой теме.

Именно в течение 1852 года, когда шла длинная дипломатическая возня относительно того, как именовать Наполеона III: просто „его величество император Франции“, или только писать „ваше величество и добрый друг“ — „*bon ami*“ (если написать „*chér frère*“ и назвать Наполеона *третьим* (по счету), — это значит признать узурпаторами Бурбонов, Луи-Филиппа и т. д.). Как раз во время этой дипломатической передерги Николай I пришел к ошибочному убеждению, что англичане будут с ним заодно против Франции. Когда Эбердин в 1852 году спросили, как же он будет именовать Наполеона, как будет писать ему королева: „*bon ami*“, как Николай, или „*chér frère*“, то Эбердин ответил следующее: „Мы не можем не называть Наполеона „дорогим братом“, мы боимся нашествия французов, мы боимся Наполеона III“. И Николай написал на официальной бумаге: „Вот до чего дошли англичане! это можно выразить детскими словами: „дядюшка, боюсь...“ (Обычно Николай все резолюции писал по-французски, а эти два слова написаны по-русски).

Все это случилось в 1852 году. Естественно, что Николай вправе был думать, что раз Эбердин находится в таком плачевном состоянии, раз королева вынуждена называть из страха Наполеона „*chér frère*“, то если предложить Эбердину союз, свою могучую поддержку и, вместе с тем, еще часть Турции, то это значит — заслужить его благодарность. Существовал еще целый ряд обстоятельств, которые поощряли Николая к этому разговору.

О своей беседе с Николаем Сеймур сразу же передал по назначению. Но ответ был получен отрицательный. И произошло это оттого, что английские как военные, так и политические круги понимали с самого начала, как только состоялся разговор 1844 года (хотя он и не был оглашен, но был известен), что дележ, предложенный Николаем, для Англии не выгоден. Николай предлагал Англии Египет, Кандию (Крит) и намекал, что он по существу ничего не будет иметь против, если англичане захватят Аравию. Себе он брал (хотя и не напирал на это, просто естественно предполагалось) Малую Азию. Деликатный вопрос о Балканском полуострове, о дунайских княжествах Николай разрешал, конечно, в том смысле, что они должны были быть под протекторатом русского царя, — как Молдавия и Валахия (тогда — турецкие владения), так и Сербия и Болгария. По поводу Константинополя Николай заявил так: „Я прямо скажу: Константинополь ни англичанам, ни кому бы то ни было я не желаю отдавать и никому не позволю там водвориться. Что касается России, то я не претендую, чтобы им овладеть (*posséder*), но получить его во временное хранение (*comme dépositaire*) это другое дело!“

Что бы произошло дальше? С точки зрения Пальмерстона, с точки зрения его как военных экспертов, так и политических помощников, Россия, получив то, что она желает получить, могла бы еще на год — на два оставить Англию в покое, а затем этот русский „океан суши“, распространившись на юге и на востоке, проникнув в Малую Азию, двинулся бы дальше — на Мессо-

потамию, Египет. Сирию, Аравию — куда угодно, а англичанам стало бы невозможно воевать с этим „океаном“, где-то на периферии высаживая перевозимые за тысячи километров отряды. Следовательно, дележа Турции не должно быть...

Мы не будем останавливаться ни на событиях Крымской войны, ни на том, что дальше последовало; охарактеризуем только те позиции, которые заняла английская дипломатия. Вспомним о тех двух принципах английской политики, о которых говорилось выше: сохранение торгово-промышленной супрематии Англии и охрана Индии.

Тактика, направленная к осуществлению этих двух принципов, тактика, которой еще до Пальмерстона пользовались в середине XVIII века Питт старший, а в конце XVIII века Питт младший, но которую Пальмерстон развернул и снабдил теоретическими обоснованиями, — эта тактика заключалась в следующем: воевать с Россией, если придется воевать, для Англии без союзников абсолютно невозможно — поэтому центральной задачей становится приобретение для Англии „континентальных солдат“. Между тем, таковые наперечет. Фактически их только два; иными словами, есть только две державы, которые смогут представить для России серьезную опасность, если только будут поддержаны английскими финансами и окажутся в таком положении, что война для них представит выгоду. Это — Австрия и Франция. Разумеется, предпочтительнее Франция, но с ней труднее договориться, так как она совершает ряд захватов на севере Африки, подбирается к Египту, — словом, является пока больше врагом, чем возможным союзником.

Что касается Австрии, то на нее Пальмерстон возлагал больше надежд и потому долго поддерживал весьма дружеские отношения с Меттернихом. Но здесь дело усложнялось тем, что Меттерних, при полной поддержке Николая Павловича проводя в Австрии и в Европе в целом ту удушающую реакционную политику, которая неразрывно связана с его именем, тот самый Меттерних, который всюду внешне выказывал приверженность Николаю I, на деле до смерти боялся двух врагов: назревающей революции и затем — России, и если для Пальмерстона Россия была врагом, находящимся за тридевять земель, то ведь Австрия была рядом с Россией. Меттерних смертельно боялся Николая, а Николай зорко за ним следил. Взять хотя бы одну из первых встреч, когда Меттерних, думая, что Николай — просто фельдфебель, которого легко обмануть, прикинулся человеком, который режет правду-матку в глаза, а потому повел речь так: „Я все говорю открыто, ведь вы, ваше величество, меня знаете...“ Николай отступил на шаг и сказал громовым голосом: „Да, я вас знаю...“ Больше Меттерних не пытался заниматься авторекомендациями.

Чтобы показать, как относилась Австрия на самом деле к своему „высокому покровителю“ — русскому царизму, достаточно вспомнить об одном разговоре, который велся в тоне как бы светской болтовни между австрийским послом в Лондоне Эстергази и Кестльри, одним из предшественников Пальмерстона, и возобновлялся дважды: в 1816 и 1819 гг. В сущности можно было бы подумать, что Эстергази обладал как бы пророческим даром. Вот по существу, что он сказал: „Представьте себе, что Россия захочет овладеть Турцией и вторгнется в Молдавию и Валахию, что тогда делать? — Тогда мы (австрийцы) должны выступить, приложить все усилия к тому, чтобы выбить царскую армию из захваченных ею областей, а Франция и Англия — две великих державы, имеющие флот, — пусть тем временем пройдут через Дарданеллы и Босфор в Черное море и направятся к Севастополю, куда поспешит укрыться русский флот“. Это было сказано за сорок лет до Крымской войны и сказано не англичанином или французом, а австрийцем. Меттерних был тогда уже министром иностранных дел, а Эстергази — одним из людей его школы. Кестльри очень сочувственно отнесся к этой идее, и 16 июня 1816 года Эстергази уведомил об этом Меттерниха. И однако пустыми оказались все упования, которые Пальмерстон в 30—40-х годах возлагал на Меттерниха. История работала против последнего. В 1830-х годах революционное движение в Европе было сильнее, чем в двадцатых годах, в сороковых годах еще более усилилось по сравнению с тридцатыми. Меттерниху пришлось выбирать между двумя смертельными врагами: революцией и Россией. Он должен был или — что для него было невозможно — пойти на компромисс с назревшей буржуазной революцией, поставить вверх дном всю свою политику, или оставить всякую мечту о каком-либо сопротивлении Николаю. Он выбрал второе.

И самое интересное, что, когда Пальмерстон убедился, что Австрия не будет его союзником, он сменил прежнюю „любовь“ на лютую ненависть. Он, умевший себя держать в руках дипломат, не мог спокойно говорить о Меттернихе, не мог ему простить того, что был обманут в своих ожиданиях и надеждах награвить Австрию на Россию. И пальмерстоновская пресса, когда выяснилось в середине сороковых годов, что Меттерних не поидет за Англией, так же третировала Меттерниха, как нынешняя английская печать третировает Гитлера, начиная с осени 1939 года. Это был ускользнувший союзник — именно этого с английской точки зрения никак нельзя простить.

Так сложилась обстановка, которая заставила Пальмерстона отложить решающие действия.

Но вот в 1854 году перед Пальмерстоном разворачиваются самые радужные перспективы. Его фактоум, с блестящей ловкостью проводивший в жизнь его предначертания, Стрэтфорд-Каннинг (с 1852 года он назывался лорд Стрэтфорд-Рэдклиф) указывает, что Пальмерстон ломится в открытые двери.

„Теперь или никогда, — заявляет Стрэтфорд-Каннинг. — У нас есть союзник, и притом такой, о котором можно было только мечтать. Та самая Франция, с которой приходилось бороться в тридцатых-сороковых годах, Франция императора Наполеона III, присоединяется к нам, посылает в Крым свои войска. Австрия, которая не хотела идти с нами, не сегодня-завтра перейдет на нашу сторону“. Перейдет и Пруссия. С ней шел торг. Король Фридрих-Вильгельм IV был смертельно перепуган. Он не очень верил, что Англия и Франция будут соблюдать нейтралитет. На этот счет и тогда дело обстояло очень слабо. И Николай Павлович тоже был источником постоянных беспокойств. Он приезжал в Варшаву, настойчиво вызывал короля туда. Прусский монарх не хотел ехать, Николай Павлович пригрозил — пришлось поехать. Фридрих-Вильгельм вернулся в Берлин — там ему досталось от английского по-ла лорда Лофтуса. Король начинает оправдываться. Это доходит до Петербурга, ему нагоняй и оттуда. Он бросается то туда, то сюда. Бисмарк, который тогда, будучи представителем Пруссии во Франкфуртском сейме, стоял в стороне и был больше наблюдателем, сообщает, что во время Крымской войны Пруссия вела себя как пудель, потерявший хозяина и перебегающий от одного прохожего к другому (*hergenloser Pudel*). Но, во всяком случае, у Пальмерстона была надежда, что Пруссия выступит на стороне союзников — на стороне более сильного. Таким образом, на отсутствие союзников как действительных, так и возможных Англии теперь никак не пришлось жаловаться.

Войну можно было развернуть. Среди тех поучительных сентенций, которые восходят к Пальмерстону и были унаследованы его преемниками, есть и такая: „Нет такой страны в мире (сказал Пальмерстон еще в 1832 г.), которая вообще так мало теряла бы от войны, как Англия“. Поэтому самое важное — запастись союзниками. Если союзники вяжутся в войну, — им уже не выпутаться собственными усилиями. Наполеон III бессилен что-либо предпринять, сколько бы он ни сердился на то, что англичане мало помогают, мало посылают подкреплений. Пусть французы жалуются, что французские солдаты на ножах с английскими, что при наступлении и штурмах англичане всегда опаздывают и их части приходят не туда, куда надо, — все равно Франция не развяжется с войной. Трудно было только втянуть ее в войну, а сейчас бояться нечего. Это был вполне осознанный принцип, вылигавшийся Пальмерстоном при его указаниях, что и как нужно делать в дипломатической работе.

Что же следует вывести, с точки зрения Пальмерстона, из этого выгоднейшего положения, которое, быть может, никогда в будущем не повторится? А то, что преступлением перед британским отечеством и человечеством (человечеством, кстати сказать, всегда у Пальмерстона как-то совпадало с британским отечеством), преступлением перед цивилизацией будет, если с Россией, с ее могуществом, так или иначе не будет покончено.

Невольно в памяти всплывает тот разговор Пальмерстона с Поццо ди Борго, который в свое время так и остался разговором, не имевшим реальных последствий.

К концу 1854 года и особенно к началу 1855, когда Пальмерстон стал первым министром и окончательно завладел британской политикой, этот разговор успел обрести некоторыми уточнениями.

Россия должна лишиться прежде всего Кавказа вплоть до Минеральных

Вод. Эта часть Кавказа должна составить государство Шамиля — Черкесию, под протекторатом Турции и гарантией Англии. Крым должен быть возвращен Турции, у которой был отнят Екатериной II. Нечего говорить, что Молдавия и Валахия остаются под протекторатом султана. Польша должна быть отнята у России, причем в отношении Польши мысль Пальмерстона имеет некую бифуркацию. Если Пруссия станет союзником, то Польша, как протекторат или в каком-либо другом виде, отходит в ведение Пруссии. Если же Пруссия не выступит, Польша объявляется самостоятельной. Затем непременно должны быть изъяты у России Эстляндия, Лифляндия и Курляндия, то есть все остзейские земли. И здесь тоже два варианта: если Пруссия выступит на стороне союзников, она получит их как протекторат; в противном случае они останутся самостоятельными.

Но самое важное, важнее всего остального, — это Финляндия. Совершенно необходимо втянуть Швецию в войну, и в награду за это, а также для безопасности Швеции на будущее время нужно отнять у России Финляндию.

Этот план отнятия всех периферий был выдвинут Пальмерстоном уже весной 1855 года. Потом оказалось, что все это в значительной части осталось мечтаниями. Пальмерстон еще не знал тогда, что к концу войны обстоятельства обернутся против него. Он не учел того, что его союзник Наполеон III сдержанно относился ко всему этому и отнюдь не хотел отнимать Кавказ у России. Он понимал, что для пальмерстоновской политической линии это важнее всего. Он понимал, что отнять у России Кавказ — это значит обезопасить Персию и Турцию, что это значит закрыть выход в Индию. Если отнять еще и Крым, то Турция уж в полной безопасности. Но с точки зрения Франции это совершенно не к чему. Когда окончательно обнаружилось, что Наполеон III не хочет больше воевать, то в английской прессе началась усиленная агитация; между прочим, с жаром напоминали, что нужно племяннику показать, что он достоин отомстить за великого дядю (которого англичане же умурили на острове св. Елены). Когда Пальмерстон увидел, что ничего не выйдет, он впал в глубоко-обиженный тон. Французская пресса отражала императорскую точку зрения, и когда одна из французских газет колко заметила после падения Севастополя, что если англичанам до такой степени хочется освободить Кавказ и помочь Шамилю, то пусть они и продолжают войну — со стороны Наполеона III нет препятствий, то в пальмерстоновской прессе обиженно заявили, что это неуместная шутка, — то есть единственный раз, когда англичанам предложили воевать самим, а не руками союзников, они приняли это за шутку.

Когда наступил момент окончательного расчета, Парижский мир 1856 года показал, что французский император окончательно усвоил себе ту точку зрения, что с Россией ему делить нечего. Турцию, в которой был заинтересован французский капитал, этот мир освободил от русской угрозы. Севастополь взят, реванш за 1812 год получен, новая империя покрыла себя военной славой, — и этого довольно... И потому, когда граф Орлов, русский уполномоченный, приехал впервые в Париж, он не мог опомниться от изумления и восторга, встретив там очень дружеский прием, и сейчас же сообщил об этом Александру II. Наполеон пригласил русского представителя на обед, а после обеда состоялась аудиенция в кабинете императора, который дал понять, не высказываясь прямо, как опытный дипломат, что Франция на конференции особенно усердно поддерживать англичан не будет. Так, когда на конференции ставился вопрос о разрушении Николаевского порта (одно из требований англичан), то Наполеон III, накануне снова обедая с Орловым, дает ему понять, опять-таки не высказывая открыто свою мысль, чтобы Орлов не очень пугался этого требования, если англичане его выдвинут. На другой день на конференции англичане выступают с этим требованием. Председатель граф Валуевский (министр иностранных дел Наполеона III) поддерживает англичан, Орлов отказывается, англичане настаивают, Валуевский молчит. Англичане снова настаивают, вопрос проваливается. Когда после заседания англичане в недоумении и раздражении приступили к Валуевскому, тот, по циркулировавшим слухам, развел руками и сказал, что к числу многих разнообразных недостатков русского народа относится и упрямство. Орлов оказался тоже упрям, — и ничего тут не поделаешь!

Таким же способом были провалены и другие основные пункты английской программы. Удалось добиться запрещения России иметь флот (военный) на Чер-

ном море, был отторгнут кусочек Бессарабии у устья Дуная, затем Россия возвратила Турции Карс, только что отвоеванный у последней, — на том дело и кончилось. План Пальмерстона в значительной мере провалился, но идеи, с которыми он выступил и которые проводил, самым прочным образом вошли в английский политический быт.

Проходят годы, конец пятидесятых, шестидесятых и две трети семидесятых годов.

За это время русские войска движутся медленно, но непрерывно по Средней Азии. Речь идет уже не о Хивинском походе, не о той „угрожающей зарнице, которая предвещала грозу“ (как впоследствии писал „Таймс“), — дело идет о планомерном завоевании. Россия забирает колоссальную территорию. Воевать, казалось бы, с английской точки зрения, нужно, но если англичане считали иронией предложение воевать на Кавказе, куда могли доставить войска непосредственно по морю, то что сказать о войне в Средней Азии? И завоевание русскими Средней Азии протекает беспрепятственно. Можно бы, конечно, напасть на Финляндию, но пойти туда одним невозможно, а французы не будут воевать.

Угрозы в английской прессе продолжают, но не больше. И только когда в 1876 году стали вырисовываться контуры русско-турецкой войны, продолжатели пальмерстоновской политики (Биконсфильд, Сольсбери) выдвигали мысль о необходимости войны австрийцев с русскими. Но осуществлению этого замысла помешала чрезвычайная сложность обстановки.

Дипломатическая борьба 1876—1878 гг. продолжает старые традиции — меняется лишь внешний облик, потому что на европейском горизонте появляется еще один партнер, о котором раньше не было и речи. Тот самый человек, который сравнивал когда-то Пруссию с потерявшим хозяина пуделем, держал теперь в своих руках бразды правления в новосозданной Германской империи. Это был гениальный дипломат, несколькими головами выше всех своих врагов и друзей — Отто Бисмарк.

Еще в то время когда русские медленно внедрялись в Среднюю Азию, в одном из органов пальмерстоновской прессы (она осталась пальмерстоновской по направлению и всем своим принципам) можно было прочесть любопытную по своей непосредственности фразу. Это была жалоба: как тяжело и тревожно живется на свете, когда с Россией никто в Европе не воюет! Это было сказано как раз тогда, когда без союзников воевать с Россией было нельзя, а союзников не находилось.

Грядущая война 1877—1878 гг. Английская пресса отличалась прекрасной осведомленностью о ходе войны, военный репортаж был на высоте. В Англии с напряженнейшим вниманием следили за всеми перипетиями борьбы.

После того как Турция в конце концов капитулировала, первый министр Англии, лорд Биконсфильд, явившийся верным продолжателем старых пальмерстоновских традиций, опять поднял вопрос о войне с Россией. Но до сих пор нельзя понять, действительно ли надвигалась тогда угроза русско-английской войны, хотя бы на море, весной 1878 года. Трудно сказать в точности. Правда, эскадра адмирала Гримзби подошла к Константинополю, но никаких других настоящих приготовлений к большой войне в Англии не делалось. Так или иначе России пришлось идти на Берлинский конгресс.

Здесь перед Биконсфильдом предстало такое положение: один из возможных союзников, тот, который оказывал когда-то, в годы Крымской войны, такую огромную помощь английской политике — Франция держалась в отдалении, не желая выступать на стороне России, так как Россия не помогла ей в войне 1871 года. Да Франция и никаких мотивов не имела для вмешательства. Австрия, правда, была настроена против России и в пользу Англии. Но нужно было подумать еще об одном союзнике. Германия в тот момент бы а на всем континенте Западной Европы, конечно, наиболее могучей державой. Биконсфильд приехал в Берлин в поисках нового союзника и не мог не обратиться к Бисмарку. Последний на Берлинском конгрессе вел политику, в сущности, направленную против России, но до последнего момента скрывал ее и скрывал очень удачно. Ту кличку, которую иронически применяли к нему, кличку „честный маклер“ — первоначально он сам себе дал; он говорил, что Германии на Бер-

линском конгрессе ничего не надо, и что он возьмет на себя роль именно честного маклера. На самом же деле он фактически ничуть не противился составлению коалиции против России из Англии и Австрии, и политика его вообще была так искусна и сложна, что нельзя не признать чрезвычайно характерным один из разговоров, которые он вел с Вильгельмом I. Изложение этого разговора уже после смерти германского канцлера обошло всю прессу. Была ли в действительности такая беседа или нет — она, во всяком случае, удивительно характерна. Вильгельм из всех сил старался понять игру Бисмарка, но его прямая, довольно простодушная солдатская натура не могла никак усвоить весь тот сложный переплет интриг, которые вел Бисмарк во время Берлинского конгресса. И старый император как-то сказал Бисмарку: „Вы умеете делать то, чего я никак не умею: подбрасывать и ловить сразу пять шаров, имея всего две руки“. Бисмарк ответил в таком духе, что — „дела вы не знаете, ваше величество, никогда пять шаров сразу не уловишь, я их ловлю по очереди, а вовсе не в одно время“.

Бисмарк, когда чувствовал себя в дружеском обществе, любил иногда известную откровенность, в особенности после того как доходил до удачного завершения тот или иной его замысел. Так, в печати после его смерти появился рассказ о том, будто он, в дружеской компании и также говоря о Берлинском конгрессе, сказал о себе, что ему должны простить, что он так часто на своем веку в дипломатии лгал и обманывал, так как и родился-то он как раз в день первого апреля (1815 г.), значит, это нечто providенциальное. Он бывая склонен к юмору, когда чувствовал себя среди близких и тех, кому вполне доверял.

Таким образом он вел игру до конца. Сам ввязываться в войну он не хотел ни в коем случае, но наблюдать, как готовится война Англии и Австрии с Россией, — против этого ничего не имел.

Война не состоялась. Потянулись восьмидесятые годы. Продвижение русских в Азии продолжалось. Русские берут Мерв. В 1885 году по решению забывшего тревогу английского кабинета королева Виктория пишет угрожающее, хоть и вежливое по стилю письмо Александру III. Письму была придана сверхторжественная форма: оно исходило не от кабинета, а от королевы. Внедрение русских в Среднюю Азию временно приостановилось.

Наступают девяностые годы, наступает время, когда основные принципы пальмерстоновской политики подверглись особенному испытанию. Уже с конца восьмидесятых годов и в начале девяностых, впервые за весь XIX век, английский статс-секретариат иностранных дел получает от целого ряда консулов и торговых палат и от отдельных промышленников тревожные известия: „Германия победоносно начинает вытеснять англичан со всех рынков“. Как писал один из консулов, „Германия в том или ином пункте сегодня продает перочинный нож, завтра — велосипед, а послезавтра — паровоз“.

На протяжении девяностых годов эти угрожающие для Англии известия не перестают поступать. Торгово-промышленная супрематия Англии начинает подвергаться прямой опасности. Мало того. В конце девятидесятых и в начале девятисотых годов обнаруживается, что Германия, которая вытесняет Англию со всех рынков, строит флот и флот первоклассный. С 1906 года переходят к сооружению dreadnoughtов. Весь старый флот теряет свое значение, сдается как бы в архив, начинается строительство новых усовершенствованных боевых кораблей, и в этом строительстве Германия не отстает от Англии, хотя еще и не перегоняет ее.

Опасность для Англии назревает, таким образом, в двух направлениях: и торгово-промышленная супрематия попадает под угрозу и трещит по всем швам и, кроме того, возникает непосредственная опасность прямого военного нападения на Британские острова. Мало того, в 1899 году берется первая концессия на постройку германским капиталом Багдадской железной дороги от Азиатского Скутари до Персидского залива. После окончания этой линии, следовательно, в несколько дней можно будет доставлять войска из Гамбурга и Берлина к Персидскому заливу, а оттуда военным транспортом рукой подать до Индии. Рядом с Англией вырос внезапно грозный враг, о котором еще на Берлинском конгрессе в этом его значении никто и понятия не имел. Враг более грозный, чем Россия. Сначала делается попытка испробовать, нельзя ли все-таки и Германию использовать против векового врага, до сих пор бывшего самым страшным, то есть против России.

В 1898—1899—1900 гг. одна за другой происходят три попытки Джозефа Чемберлена завести дружеские отношения с Германией. Джозеф Чемберлен был министром колоний в кабинете лорда Сольсбери, но фактически руководил всем, как в свое время Пальмерстон. Джозеф Чемберлен, руководящий деятель огромной колониальной экспансии Англии в это время, настоящий империалистический хищник большого масштаба, чрезвычайно умный человек, — отец Невилы Чемберлена. В 1938 году после провала Чемберлена на Мюнхенской конференции во враждебной Англии прессе указывали, что в данном случае этот сын своего отца служит живым опровержением теории о передаче умственных способностей по наследству.

Джозеф Чемберлен трижды обращался к Германии с предложением союза. Союз был отвергнут. Германская пресса, и прежняя и особенно после 1919 года, много раз обсуждала вопрос, был ли этот отказ ошибкой. Некоторые публицисты в Германии считали его глубокой ошибкой, вызвавшей впоследствии катастрофу, а другие, напротив, говорят, что это не было ошибкой, что Англия использовала бы Германию как своего „континентального солдата“ и, конечно, не пришла бы к ней на помощь в нужный момент, когда Германия, рано или поздно, ввязалась бы именно из-за этого английского союза в войну с Россией и Францией, потому что Франция, в случае войны Германии с Россией, автоматически бы выступила с запада. В помощь Англии совсем не верил и канцлер Бюлов, который отверг протянутую Англией руку:

Это совпало случайно с тем моментом, когда после смерти матери в Англии на престол вступил король Эдуард VII. Поэтому новая политика, которую стала проводить Англия, получила название политики короля Эдуарда. Так она именуется и в германской прессе. Конечно, король ничего бы не сделал, если бы он не проводил политику буржуазной правящей верхушки. Для политики же, угодной последней, все предположки были налицо. Перед Англией был новый сильный враг, с которым так или иначе нужно было справиться. Этот враг не хотел быть союзником, а в нейтральных отношениях с ним нельзя было находиться. В виду этого необходимо было перестроить всю политику, подойти к осуществлению старых принципов по-новому и, подыскав союзников, покончить с врагом. Это было решено, а главным деятелем, который проводил эту политику, оказался король Эдуард, всецело поддерживаемый парламентом и министрами. Сначала в Европе удивлялись, что английский король, круто связанный английской конституцией, со времен Вильгельма III Оранского не имевший никакого голоса в дипломатических делах, вдруг внешне может проявлять такую усиленную деятельность. Он разъезжает по Европе, заключает союзы, разрушает сложившиеся отношения, создает новые. Но, разумеется, люди, близко присматривавшиеся к этой политике, понимали, в чем дело. И Клемансо выразил мнение многих дипломатов, когда сказал, что английская конституция настолько гибка, что вот дает возможность использовать умного человека, где бы она его ни нашла, даже в самом неожиданном месте, например, на королевском престоле.

В чем же состояла политика Эдуарда? Необходимо было превратить Францию и Россию, которые могут быть использованы против Германии, из врагов в друзей. Это можно сделать только при помощи жертв и больших жертв. И нужно на эти жертвы идти.

8 апреля 1904 года заключается англо-французское соглашение. Ему предшествовало путешествие Эдуарда в Париж. Об этом путешествии идут тревожные слухи в Германии, но никто не знает, что будет. Сначала представителя Англии, традиционно-враждебной державы, встречают в Париже довольно холодно, вспоминают Фашоду, 1898 год, когда чуть не вспыхнула война, на бульварах короля освистывают, но он с восхищением поднимает цилиндр и делает вид, что принимает эти звуки за овации. Никто в Европе долго ничего не может понять, но 8 апреля 1904 года появляется договорное соглашение. Франция, по этому соглашению, отказывается от всех прав и интересов в Египте, Англия — в Марокко. Франция ничего не теряет, ибо уже Фашода в 1898 году показала, что ей надо уйти из Египта. Значит, Англия ничего реального в 1904 году не получает, а Франция получает Марокканскую империю, громадную страну с неисчерпаемыми подземными богатствами, страну, где в некоторых огромных оазисах снимается по три раза в год урожай, страну, лежащую тут же на Средиземном море и на Атлантическом океане

в двух шагах от Франции, в двух шагах от Гибралтара, которым так дорожит Англия. И в других, второстепенных пунктах договора, всюду Англия все уступает, а Франция все берет. Все это показное; было ясно, что самое важное заключается в неписанных пунктах. И тогда впервые в германской прессе послышалась нота беспокойства, проникавшая и в социал-демократическую прессу, потому что совершенно ясно, что „сердечное соглашение“ (*Entente cordiale*), возникшее на таких условиях, что Англия ничего не получает и все отдает (а что Англия не привыкла это делать, это, конечно, было аксиомой), заключено неспроста.

Это было только началом. Идет русско-японская война. Англичане — союзники японцев. Война началась при полном согласии Англии. Наступает 1905 год. Идут переговоры о мире. Когда Комура встретился впервые с Вигте, он не знал еще, что его ждет дальше. А дальше обнаружилось, что Вигте отказывается от уступок японцам по главным пунктам, что Россия после этой тяжелой войны, где она сражалась без союзников, пред лицом Франции, которая не хотела помочь, потому что дело идет в Азию, пред лицом враждебной Англии, пред лицом Германии, которая использовала создавшееся положение и заключила с Россией торговый договор 1904 года, — вдруг отказывается от целого ряда пунктов по заключению мира.

Мы теперь знаем — а заинтересованные лица знали об этом и раньше, — что во время этих переговоров тот же Эдуард VII и английский кабинет дали знать Японии, что новых займов не будет. А отсюда японцы могли сделать естественный вывод, что, может быть, займы направятся в другое место, а ведь армия Линевица еще была налицо. Нужно было кончать войну, и война кончилась. Поведение Англии уже летом 1905 года показало, что Россия ей зачем-то нужна. Сейчас же Эдуард начинает переговоры. Они идут не очень быстро, но 31 августа 1908 года в Петербурге подписывается новое соглашение — между Англией и Россией. Это соглашение уже не только встревожило, а прямо испугало целый ряд держав.

По этому соглашению Персия делится на сферы влияния. Северную часть, самую богатую, самую нефтеносную, самую развитую в промышленном отношении, самую важную как рынок, — получает Россия. Затем идет некоторый нейтральный кусочек, остающийся непосредственно в руках Персии, и, наконец, юг, спаленный солнцем, бедный, безводный — почти сплошные солончаки в некоторых местах, получает Англия. Далее, идут второстепенные пункты соглашения. Россия отказывается от вмешательства в афганские дела (но в тот момент она и так была лишена возможности в них вмешиваться) и остается вне влияния обеих держав Тибет. Любопытная подробность: во время переговоров устанавливается, что обе договаривающиеся стороны обязуются не посылать в Тибет ученых экспедиций. Дело в том, что Англия посылала в 1904 году экспедицию Юнгхесбэнда, — был и целый ряд других подобных экспедиций, когда выискивался какой-нибудь приват-доцент, скажем, специалист по ботанике, посылался в Тибет, а для оказания ему помощи в его ученых занятиях с ним посылали десять батарей, конницу и пехоту. И так как обе стороны прибегали к таким методам, то и был включен этот пункт.

Но все это были мелочи. Главное была Персия. И тут уже не могло оставаться никаких сомнений. Как выразились тогда германские газеты, Англия наняла себе двух солдат: Францию — за Марокко, а Россию — за Персию. Ни звука не было сказано в договоре о том, что Россия обязалась помогать Англии, как не было сказано это и в англо-французском соглашении. Но положение было ясно: Россия будет англичанами использована против Германии, как она была когда-то использована против Наполеона I. Конечно, и Германия и Австрия, и Россия, и Франция имели свои империалистические устремления.

Началась война 1914 года. Когда несколько лет тому назад умер сэр Эдуард Грей, то в некрологической литературе и в воспоминаниях о нем много раз поднимался вопрос о том, что если бы Грей с самого начала объявил о твердом намерении Англии выступить на стороне Франции и России, то Германия не начала бы войну (это мнение поддерживалось и крупными специалистами военной науки).

Англия до последнего момента втягивала другие страны в войну, а сама вступила в нее лишь в последний момент, когда остальным пойти назад было

уже невозможно. Грей оправдывался против этого обвинения, обвинения, которое ему бросили однажды даже на заседании парламента. Он оправдывался тем, что между объявлением Сербии ультиматума и объявлением войны России, в течение этих десяти дней, он прилагал все усилия, чтобы предотвратить войну. Ему ответили: „Но вы десять лет пред этим делали все зависящее от вас, чтобы вызвать войну“.

Так или иначе, война началась. И, с точки зрения традиций английской политики, прошла и окончилась удачно. Германия была разбита, Германия лишилась всех своих колоний, Германия была изгнана со всех рынков, у Германии был секвестрован весь флот, у нее была отнята Багдадская дорога, Англия могла спокойно держать в своих руках все пути в Индию, и первое время у нее настолько были развязаны руки, что она могла проследить за тем, чтобы не позволить Франции укрепиться в Европе.

Теперь мы рассмотрим, как своеобразно в современной обстановке преломились старые пальмерстоновские традиции.

Уже начиная с 1933—1934 гг., в английской прессе особенно решительно заговорили, как о страшном враге, о Советском Союзе и не только потому, что он несет с собой революционную пропаганду, а и потому, что он будет непременно продолжать поступательное движение в Азии. Следовательно, старый кошмар снова воскресал. Разбитая Германия, правда, оправлялась, но все-таки эта Германия, как казалось в 1930-х гг., не представляла такой опасности, как Германия в дни Тирпица. Возможности Багдадской дороги отошли в прошлое, речи не могло быть о продвижении Германии в Азии. А Советский Союз стоит нерушимо. По первому „принципу“, по торгово-промышленной супрематии, Советский Союз не страшен, но по второму, касательно Востока,—очень страшен, страшнее, чем была когда бы то ни было царская Россия.

Это было для империализма Англии аксиомой в 1934 году, еще большей аксиомой с 1936—1937 гг. Англичан совершенно не успокаивало то обстоятельство, что и речи не было у советской дипломатии о каких бы то ни было завоеваниях в Индии.

В английской империалистической прессе стали помещаться статьи, посвященные анализу того факта, который, изменяясь в зависимости от современной обстановки, все же остается неизбытым и насущным. Советский Союз, — говорится в этих статьях, — такое огромное политическое тело, такая огромная сила, что хотя у нее есть свои слабые стороны, своя Ахиллесова пята, но эта сила все же настолько велика, настолько географически близка и опасна, что, с английской точки зрения, Советский Союз — вековой враг, лишь на время исчезающий, сейчас опять встал на свое место, и именно с ним теперь, главным образом, и нужно считаться.

Я в двух словах укажу на различие между французами и англичанами. Например, Барту — человек старого клемансистского типа — считал: Германия опасна, стоит на Рейне, поэтому необходим союзник, и если нет другого союзника — надо обратиться к России, надо ехать в Москву. И он поехал в Москву.

Англия отнеслась к этому уже тогда в высшей степени отрицательно. Почему изменилась затем французская политика, и в Париже возобладало мнение, что для правящей буржуазии Франции гораздо опаснее Москва, чем Берлин? Об этой новой точке зрения я говорить подробно не буду, скажу только, что уже с 1936 года вопрос был совершенно ясен, и Франция в этом смысле пошла совершенно на поводу у Англии.

Если такие руководящие газеты, как, например, „Таймс“, которые призывали к дипломатическому затумашиванию, к бесконечным придаточным предложениям, за которыми человек перестает понимать смысл читаемого, — и не пишут об этом открыто, то другие газеты, более читаемые публикой, совершенно открыто говорили о том, что необходимо снабдить Германию (это говорилось и задолго до наступления нынешнего режима в Германии и после его наступления) прочным тылом, настолько обеспечить ее в Западной Европе, чтобы она могла безраздельно и всецело направить все свои силы против Советского Союза. В этом главная задача и для Франции и для Англии. Во Франции сначала слабо протестовали против этой точки зрения, но быстро смолкли. Указывалось сначала только, что Франция должна сохранять хорошие отноше-

ния и с Германией и с Советским Союзом, она должна быть нейтральной. Пьер Доминик и ряд других публицистов указывали, что это очень просто: ведь Советский Союз не нападет на Германию и нет никаких препятствий к тому, чтобы Франция, Германии и России не жить в мире и согласии. В английской прессе со всей силой обрушились на подобные выступления. Пусть Франция (намекали английские газеты) бросит эти разговоры о континентальных мирных отношениях (потому что они сведутся к вопросу о союзе) и тогда Англия немедленно с Францией порвет и, подразумевается, заключит наступательный и оборонительный союз с Германией. Пусть выбирают. Франция смирилась окончательно.

Наступили годы 1937—1938.

Это были годы, когда английская пресса продолжала выбиваться из сил, стараясь втянуть Германию в войну против СССР. В прессе, поддерживаемой Невилем Чемберленом, несколько раз вспоминались и принципы Пальмерстона и принципы Эдуарда VII и указывалось, что тот враг, который стоял перед Пальмерстоном, которого уже тогда нужно было уничтожить, но которого не уничтожили, потому что помешала оборона Севастополя сначала, а потом помешал Наполеон III, — должен быть уничтожен теперь. Нужно теперь крепко держать на поводу Францию и довести дело до конца. И, может быть, это можно будет сделать на этот раз более основательно, чем это было возможно относительно николаевской России.

В эти годы в английской прессе стали сильно интересоваться Финляндией и Швецией. Вспомнили, как относился к этому вопросу Пальмерстон как он нытался, правда безуспешно, втянуть в союз Швецию в 1855 году, вспомнили, как король, Оскар I упрялся и соглашался только тогда, если Пальмерстон и Наполеон пришьют в Швецию пятьдесят тысяч солдат; здесь опять-таки помешал Наполеон III, который на это не согласился.

Нужно будет, следовательно, и теперь послать в Швецию солдат, и нужно, чтобы эти солдаты были по возможности французскими солдатами, а не английскими, но нужно теперь настолько твердо поставить вопрос о войне против Советского Союза, чтобы Франция не могла уклониться и испортить все, как это было при Наполеоне III.

И вот, Германии начали отдавать все: Австрию, Судетскую Чехию, Чехословакию; и все это отдавалось с одной целью — пусть Германия получит все, что ей нужно, пусть получит все то, что смогло бы ее поддержать, когда она пойдет на Советский Союз.

Наступает 1939 год. Ставится вопрос о Польше. Защищать Польшу или не защищать? Обратиться к Советскому Союзу или нет? Решают обратиться. При этом с самого начала не могло быть и речи ни о каком союзе. Теперь уже определенно известно, что речь шла о том, чтобы угрозой московских переговоров побудить Германию поскорее выступить именно против СССР, пока не подписан договор. Пока в Москве велись переговоры с уполномоченными, имевшими какие-то указания, из которых можно было только усмотреть, что эти лица никем фактически не уполномочены, — в это самое время какие-то таинственные, нигде не служащие английские дипломаты искали бесед с германскими представителями. От Германии требовали, чтобы она в знаградила, наконец, Англию и Францию за то, что она получила в 1937—1938 гг.

В Москве эту игру поняли, конечно, и все мы помним статью А. А. Жданова, из которой можно было определенно понять, что эта игра разгадана. За границей также мало кто думал, что ведутся серьезные переговоры о союзе с Советской Россией. Указания, особенно ясные, раскрывавшие глаза на все происходящее, встречались больше всего в швейцарской прессе.

Существует известный дипломатический узор, от которого отступления делают редко: если какая-нибудь великая держава хочет заключить серьезное соглашение с другой великой державой (а что могло быть серьезнее того, что говорилась в Москве в 1939 году?), то обычно посылается кто-либо из людей с очень высоким служебным положением — если не президент, то первый министр или министр иностранных дел, лицо, не только уполномоченное правительством, но и стоящее на самых высоких ступенях общественной лестницы. В Москву приехал Стрэнг, и когда он приехал, то в одной из швейцарских газет сообщалось о том, какие места он занимал, и приводилась история его карьеры; и самое высокое социальное положение за все время его

существования — это было, помнится, место заведующего трамвайным парком или нечто равносильное по сану.

Конечно, пользуясь такими приемами, и думать было нечего, что удастся кого-либо обмануть. Затем был ребром поставлен англичанам вопрос, который уже окончательно разоблачил все скрытые намерения Англии.

Был поставлен вопрос, согласится ли Англия распространить гарантии Англии, Франции и Советского Союза на Эстонию, Латвию и Литву. Англия и Франция заявили, что эти страны не просят об этом, не хотят этого, а пока они сами не обратятся с такой просьбой, ничего сделать нельзя. На самом деле уже выяснено, что англичане из сил выбивались, упрасывая эти страны не обращаться за помощью, чтобы потом можно было на это „нежелание“ сослаться.

Зачем это нужно было? Представим себе, что это соглашение было бы подписано. Гарантии распространялись на Польшу, на Румынию и только. Это было как раз то, что требовалось со стороны прямых продолжателей пальмерстоновской политики. Оставалась воронка, через которую Германия могла бы пройти в Советский Союз, куда ее из всех сил толкали.

По договору, Англия и Франция не должны были бы защищать эти страны, а Советский Союз должен был бы их защищать, так как Германия через воронку может выйти на Псков и дальше на Ленинград. Тогда произойдет война двух великих держав, и Германии, хочет она или не хочет, воевать придется. Франция будет охранять линию Мажино, Германии гарантируют прочный тыл на западе, а здесь, на востоке, она может продвигаться куда ей угодно. Она может забрать Украину и все, что хочет. Таков был разработанный план.

Второй вопрос сыграл бы важную роль, если бы уже не было первого обстоятельства. Это было нежелание Польши пропустить через свою территорию войска Советского Союза. Это нежелание диктовалось сознанием в высшей степени плохой сопротивляемости. Приход в Польшу Красной Армии казался нежелательным.

Студницкий, польский публицист, который жил в Вильне и все писал о спешной необходимости отобрать у России Урал (ему так нравился Урал потому, что там много драгоценных металлов), этот Студницкий, со свойственным ему глубокомыслием, писал, что нужно, чтобы Советский Союз помогал Польше авиацией, но не сухопутной армией. Авиацией, уж так и быть, пусть помогает.

Дело расстроилось. Произошли события, которые сделали 1939 год навеки памятным для истории, ибо этот год оказался чреватым важнейшими дипломатическими событиями.

По тем сведениям, которые до нас доходят, ясно, что Англия в нынешний момент наткнулась на крайне жестокие препятствия. Дело в том, что Уинстон Черчилль, применяя тактику, унаследованную от Пальмерстона, с одной стороны, применил ее на словах слишком смело, а с другой, на деле — слишком медленно и на этом провалился. Отношение к нейтралам было у него таким же, как и у Пальмерстона, нейтралов и тогда с точки зрения англичан не могло быть. Но Пальмерстон не давал покоя Фридриху-Вильгельму IV, который метался между Петербургом и Англией. Ему обещали Польшу, Эстонию, Курляндию, Литву и еще многое другое, если только он выйдет из состояния нейтралитета. Не отступал он и от короля шведского Оскара. — и ему сулили Финляндию, и не только Финляндию. Когда Оскар заявил, что Швеция богата железом, но бедна золотом, обещали и золото. И дали бы... Когда нужно было получить новых континентальных солдат, англичане денег не жалели и давали их без счета. Если бы Наполеон III не вышел из войны в 1856 году, англичане, несомненно, усилили бы давление на Швецию, и неизвестно, что могло бы с Швецией произойти. Но война тогда оборвалась.

Пальмерстон прекрасно понимал, что для Англии прямое спасение — втянуть в войну побольше нейтралов. „Нейтралов не должно быть“. И этот принцип был усвоен и Уинстоном Черчиллем. Он еще в войну 1914 года говорил, что нейтралов не должно быть. И тогда его пресса ссылалась на Пальмерстона, но тогда Черчилль не мог развернуться по-настоящему. Весной 1918 года, когда английский торговый флот испытывал много затруднений вследствие опустошений, произведенных войной, и когда его нужно было быстро пополнить.

а никакие постройки не помогали, первый министр Англии Ллойд-Джордж, по прямому указанию Черчилля, обратился к Голландии с предложением: в виду того, что Англии нужен флот, передать ей весь свой торговый флот. Англия за это заплатит. Когда голландские министры в ответ на это предложение растерянно заявили, что они будут испытывать большие затруднения со стороны голландского парламента, если войдут туда с подобным предложением, то Ллойд-Джордж сказал им, что пусть они сообщат в парламенте, что если Голландия не согласится, то Англия все равно флот заберет, но тогда уж ничего за него не заплатит. Может быть, тогда парламент поймет, насколько выгодно английское предложение, и не будет чинить затруднений. Голландия мигом согласилась.

Часть флота была отнята и у Дании, и если бы война продолжалась, то можно с уверенностью сказать, что нейтральных флотов не осталось бы: все они были бы отняты Англией.

В то же время (даже несколько раньше, летом 1917 г.) по наущению Англии было решено покончить с так называемым нейтралитетом Греции. Греческий король Константин упирался и не хотел входить в союз с Англией и Францией, но бывший генерал-губернатор Алжира Жоннар прибыл на французском крейсере в Пирей, дал Константину четыре часа на сборы, посадил его с семьей на крейсер и увез, а Венизелос, которого Англия и Франция поставили, выступил на стороне Антанты.

Так распоряжался Черчилль и его товарищи в конце войны 1914—1918 гг., и такое отношение к нейтрам являлось продолжением той линии, которая была намечена еще Пальмерстоном.

В нынешней войне Черчилль является фактически военным диктатором.

Тот военный кабинет, который он возглавил (проект этого военного кабинета был составлен еще в январе, когда Уинстон Черчилль сказал, что нужно, не теряя ни минуты времени, отправить войска в Финляндию), следует отличать от того „сокращенного“ кабинета в пять-шесть человек, который был составлен Чемберленом в начале войны. Английские министерства во время войны необыкновенно разрастаются. В ту войну у Ллойд-Джорджа было министерство по тридцать шесть человек, но все вопросы решали только пять-шесть человек, остальные только получали приказы и распоряжения каждый по своему ведомству. Но и этот кабинет Чемберлена надо отличать от того кабинета, который создал Черчилль и где он является фактическим диктатором. Черчилль в смысле управления экономикой, финансами, военным министерством, морским ведомством, военными действиями сухопутных сил и флота является совершеннейшим диктатором, и в качестве диктатора он выступил со своей отныне знаменитой речью 30 марта 1940 года относительно нейтральных стран, где он заявил, что не признает нейтральных стран. Это было заявление колоссальной важности. С этого момента нужно было ждать, что если у немцев есть какие-либо силы наготове, то они должны сделать то, что они и сделали. Почему не сделали этого англичане? Но ведь во всякой войне один проигрывает, другой выигрывает, и всякий, кто вступил в войну, вступал в нее не с мыслью проиграть. А германский военный механизм, действующий с точностью часов, предвзвешивал действия англичан, Германия поступила в соответствии с выдвинутым Черчиллем принципом.

Недавно передавалось радио, идущее из страны, которая более или менее заинтересована в победе Англии и Франции, и прошедшее через чрезвычайно жесткую цензуру, в частности через цензуру английского радиокомитета, но даже и там было сказано следующее: нужно было ожидать немедленного выступления немцев после этой речи Черчилля о нейтральных странах, и нужно было не минные заграждения устраивать, а сразу высаживать войска. Это было упущено, и англичанам придется „большой кровью“ исправлять эту ошибку. Здесь можно вспомнить, как Герцен отзывался об одном разговоре с каким-то провокатором, который пришел к нему и сообщил, что намерен совершить террористический акт, чуть ли не над Наполеоном III. Герцен ему ответил на это тем, что рассказал, как один молодой человек в XVI в. водил Карла V и показывал ему колокольни (дело происходило в какой-то из стран, покоренных Карлом V, и ему враждебной). Когда юноша пришел домой, он признался отцу, что у него было желание сбросить Карла V с колокольни. Отец раскричался на него — какой он негодяй, если ему при-

ходят в голову такие мысли, и тут же добавил — а раз уж приходят, так ты бы их и выполнил. а не разговаривал бы... То же можно сказать и по поводу этого выступления Черчила о нейтралах. Высказывая суждения, которые являются циничнейшим отрицанием даже какой-либо тени международного права, следовало ожидать, что сейчас же враг пойдет по той дороге, которую ему указывают, а не станет любезно уступать очередь Черчиллю.

В самом начале настоящей войны казалось, что основная война ведется не с Германией, не в Северном море, а что интересы англичан сосредоточиваются в Финляндии. И так было еще даже до начала нашей войны с Финляндией, что особенно любопытно. Финляндия даже именовалась, как и Япония в 1904 году, как Россия и Франция в 1914—1918 гг., „our gallant ally“ (наш храбрый, наш рыцарский союзник).

Английская политика в своих основных принципах оставалась, как мы видим, неизменной со времен Пальмерстона, и англичане полагают, что смогут придерживаться пальмерстоновских традиций и впредь. Но обстоятельства изменились и настолько усложнились, что эта война началась совсем не так, как начинались прежние войны. Англичане расценивают Советский Союз как самого могучего и страшного своего врага. Самой своей массой, самими своими размерами это колоссальное политическое тело могуче влияло и влияет на мировую историю. Советский Союз имеет в руках оружие, смертельно страшное — идеи коренной, решительной, социалистической перестройки общества, те принципы, с которыми пришел Советский Союз в жизнь и которые он охраняет всеми своими огромными военными силами и техническими средствами. Это грозное и усложняющее препятствие не было предугадано Пальмерстоном. Гряд ним была отсталая николаевская Россия, и даже с ней без союзников Англия воевать боялась.

Можно было бы привести ряд цитат из пальмерстоновской прессы, и, увидя их, вы подумали бы, что это материалы 1940 года. Тут есть и „варварство“, против которого выступает „защитница цивилизации“, тут есть и „слабая, но цивилизованная держава“ (Турция), которую надо защищать от „московского варварства“, тут и защита Гешиды-паши против Николая, против Нессельроде, а также и против людей, которые борются в Севастополе — Тотлебена Нахимова; от этих русских варваров надо защитить такого проводника европейской цивилизации, как Решид паша. А жена этого „гуманного проводника европейской цивилизации“, как указывалось сначала в нейтральной немецкой, а потом и в английской оппозиционной прессе, занималась систематически, на глазах у посольств, скупкой невольниц и продажей их в гаремы.

Призыв к защите против варваров, идущих с востока, к защите всех „свобод“ против Москвы, бояр и проч., раздавался неустанно. И если не угодно, чтобы вся Европа была захвачена Москвой и покорилась московской тирании, то необходимо всеми силами стать на защиту от колосса маленькой, слабой и беззащитной Турции. Так говорились восемьдесят пять лет тому назад.

Все это пропагандистское месиво преподносится почти без изменений и в нынешней английской консервативной прессе. Но обстоятельства изменились, повторяем, очень сильно. То оружие, с которым выступает Советский Союз, гораздо грознее, чем то, с которым выступала когда либо царская Россия. Это оружие страшно тем, что оно является магнитом (так говорит этими самыми словами английская пресса, указывая на всю опасность оружия Советского Союза) для „колониальных“ народов. И этого не предвидел Пальмерстон, не предвидели и многие его преемники. При всем своем умении добывать союзников, на сей раз Англия может споткнуться. Кровавая страшная война будет еще продолжаться. Благодаря целому ряду удачных, в самом деле блестящих действий нашей дипломатии мы поставлены в наиболее выгодное положение, в положение зрителей, готовых к неожиданностям.

Трудно сказать, что покажет будущее, но какими бы мрачными тучами ни был покрыт мировой горизонт, англичане уже сейчас признают, что первые их карты биты. первые (и громадные) ставки проиграны, и что эта вторая империалистическая война и началась и ведется до сих пор при условиях, несравненно худших для наследников Пальмерстона, чем начинались и велись все их войны до настоящего времени.